

Как мы сами у себя воровали шедевры

Лишь несколько лет назад мы узнали о том, что в годы первых пятилеток лишились сотен полотен великих мастеров живописи, императорских сокровищ, бесчисленного множества церковных и монастырских ценностей. К сожалению, в последнее время публикации по этой теме почти полностью прекратились. А тем временем выявляются новые интересные детали.

Поставили "галочки" - продали Рембрандта

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ документы из "Особой папки" Политбюро ЦК ВКП(б) рассказывают о том, как именно принимались решения о продаже шедевров. В повестке заседаний эти вопросы стояли обычно где-то в конце, уступая по важности не только паровозостроению, но и, скажем, распределению хозяйственного мыла по градам и весям.

Иногда решение вообще принималось просто путем рассылки опросных листов, где члены Политбюро "ставили галочки", подтверждающие отсутствие возражений. Именно так, например, 14 апреля 1932 г. было принято решение о продаже трех полотен Рембрандта. Картину "Монах" забрали из Эрмитажа, а "Пейзаж" и "Отречение Петра" - из Музея изобразительных искусств имени Пушкина.

В то же время исследования, проводимые в Эрмитаже под руководством его директора Михаила Пиотровского, выявили, как, используя неточности в указаниях или опечатки в телеграммах, искусствоведам удалось, в частности, спасти от вывоза шедевр Терборха "Бокал лимонада", выдав властям менее ценную картину того же художника - "Урок музыки".

Архивы рассказали еще вот о чем. Как выяснилось, нас тогда здорово обманывали. В условиях "великой депрессии", охватившей Запад, советским представителям торговаться не давали. Бывали случаи, когда музейные экспонаты уходили от нас за 20 - 25 %, а иногда даже за 3 % от стартовой цены. Изделия фирмы Фаберже продавались по несколько десятков, в лучшем случае сотен долларов за штуку...

Сегодня на Западе все чаще говорят о проблеме реституции культурных ценностей, оказавшихся в послевоенные годы на территории России. А вот о том, что десятью - пятнадцатью годами раньше нас ободрали как липку, предпочитают не вспоминать.

"Друзья Страны Советов"

БЛАГОДАРЯ архивам мы узнаем много "интересного" о некоторых западных бизнесменах, ранее считавшихся "искренними друзьями Страны Советов". Скажем, об Арманде Хаммере. Большевики, как известно, носили его на руках. Советская власть предоставляла "другу" необычайно льготные условия концессий, вплоть до подавления забастовок на его уральских предприятиях силами ВЧК - ОГПУ. Что же касается приобретения произведений искусства и антиквариата, то здесь Хаммеру был дан "зеленый свет" по всем направлениям.

Как рассказывали современники, тридцатикомнатный особняк Хаммера в Москве быстро превратился в перевалочный пункт, откуда в Америку пароходами уплывали царский фарфор, ювелирные украшения, картины, иконы, книжные раритеты, мебель... Именно Хаммер увез от нас практически все наследие Фаберже. По некоторым данным, советские представители даже передали Хаммеру старые клейма мастера, и американец начал массовую подделку изделий этой фирмы.

На этом фоне особенно трогательно выглядело - уже в брежневские годы - дарение Хаммером Советскому Союзу одной картины Гойи. Миллиардер точно рассчитал психологический эффект: в СССР тогда не было ни одного произведения великого испанца, и, хотя полотно было изрядно подпорчено поздними реставрациями, у нас его приняли на ура.

Что поделаешь, Кремлю нужны были абсолютно неразборчивые в средствах политики и бизнесмены. Такие, которые могли бы, с одной стороны, обойти законы, запрещавшие западным странам торговать с СССР, а с другой - наладить вывоз предметов искусства, невзирая на протесты русской эмиграции. Доктор Хаммер и иже с ним пришлось ко двору...

Как жить дальше?

ДИРЕКТОР Эрмитажа Михаил Пиотровский призывает не увлекаться эмоциями. "Мы должны понять ситуацию, которая существовала в тот момент, - говорит Михаил Борисович. - Прошли революция, гражданская война и национализация. Магазины ломались от антиквариата, в музеи попало множество вещей из частных коллекций. Появился соблазн что-нибудь продать, чтобы получить валюту. Сначала попытались сбыть какие-нибудь вещи на уровне комиссионных магазинов, затем принялись за частные коллекции... И только потом в ход пошли уже шедевры ибо хозяева мирового рынка затаили в него малоопытных и алчных российских участников и вынудили продавать самое лучшее. Произошла культурная катастрофа, и ее итог делает обязательным полный запрет на продажу вещей из музейных коллекций".

Пиотровский полагает, что реальной законной возможности вернуть утраченное нет. Остается радоваться, что эти произведения искусства доступны для обозрения, оставаясь в хороших музеях. Если же конструктивно сотрудничать с Западом, то можно привозить и выставлять в России некоторые из увезенных шедевров. Так, в Эрмитаже в 1997 г. выставлялось "Благовещение" Яна ван Эйка.

Кроме того, есть надежда по частям выкупать кое-что из распроданного. "Конечно, никто никогда не вернет нам "Мадонну Альбу" Рафаэля, - говорит Пиотровский. - Но некоторые российские реликвии нам удастся возвращать. Мы купили знамя Преображенского полка времен Елизаветы Петровны - единственное, которого нам не хватало для полной коллекции. Купили также Аугсбургский кубок, подаренный Петром I стольнику Мусину-Пушкину".

Напоследок несколько фактов для любителей мистики. Есть немало историй о тяжелом проклятии, которое будто бы сопровождало многие из разграбленных российских ценностей, принося несчастье их новым владельцам. Так, радость некоторых западноевропейских дельцов от искусства по поводу удачных русских приобретений быстро прошла после того, как в конце 30 - начале 40-х гг. их коллекциями заинтересовались Гитлер и Геринг. Но и к этой паре наши шедевры, как известно, попали ненадолго.

По другую сторону Атлантики хитрый Меллон был вынужден, скрипя зубами, передать свою коллекцию городу Вашингтону: иначе его ждали бы суд и тюрьма за неуплату налогов. А в момент гибели Петра Войкова от пуля варшавского студента на пальце у советского полпреда был надет перстень с руки расстрелянного Николая II...